

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 кружка	5
2 кружка	29
3 кружка	36
4 кружка	45
5 кружка	60
6 кружка	82
7 кружка	99
8 кружка	119
9 кружка	134
10 кружка	147
11 кружка	165
12 кружка	179
13 кружка	193
14 кружка	209
15 кружка	230

И КРУЖКА

И жили они долго и счастливо...
Чушь собачья!

Все волшебные сказки заканчиваются одинаково: злодеи наказаны, герои вознаграждены, все пляшут, а птички щебечут о вечной любви. Только вот это не так, мне ли не знать! От этих сказочников ни слова правды не дождёшься, вечно всё перекрутят, лишь бы угодить тому, с чьего стола подбирают объедки. Мою историю тоже не раз переврали. Но если вы действительно хотите услышать, как всё было на самом деле, что ж... могу рассказать.

А? Любопытно? Ладно, тогда слушайте! Слушайте и удивляйтесь, до чего эти сказители горазды выдумывать! Только сперва угостите даму кружечкой эля, уж будьте добры, рассказ мой не короток, а горло больно пересохло. Вот спасибо! Да вы и себе

возьмите, не пожалеете, эль у старика Флинна что надо. Вы ведь не торопитесь? Вот и славно!

Всё началось давным-давно, гораздо раньше, чем можно подумать, глядя на меня. Не буду лукавить, тут уж мне повезло, вся в матушкину породу, что есть, то есть. Что ты, приятель, усмехаешься? Да, нынче я не то чтобы сияю красотой, это верно. Но ты сперва послушай, как до того дошло, а уж потом суди! Ну, да будет, сейчас не об этом... Начну-ка я, пожалуй, с самого начала, так оно и проще, и понятнее. Не возражаешь? Добро, вот вам история, самая правдивая из всех, когда-либо рассказанных. И хоть вы прежде слышали её сотни раз на всякие лады, уж поверьте, моя версия вас удивит!

Так вот.

Я появилась на свет во времена, когда изумрудная земля, откуда я родом, ещё хранила следы своих древних героев, а все владения её королей делились, как то полагалось, на пятины*. Матушка, давно покойная,

---

* Пятина — административно-территориальная единица, с глубокой древности применявшаяся для регионального деления различных государств. Аналог более поздних провинций. Здесь речь идёт об Ирландии и её делении в период до норманнского завоевания. Ирландские пятины: Улад на севере, Коннахт на западе, Лейнстер на востоке, Манстер (Мунстер) на юге — являлись малыми королевствами, добровольно подчинёнными формальной и церемониальной власти Верховного Короля Ирландии, чья резиденция Тара (*вар.* Темра) находилась в срединной части острова — Миде (Мит) — и вторяла планировкой сакральное устройство страны.

нарекла меня Эллой. Эйлинорой вообще-то, но сперва это звучало уж больно вычурно для малышки, а потом все так привыкли к сокращению, что даже я сама почти забыла, как зовусь на самом деле. В любом случае вам это имя вряд ли о чём-то говорит. Однако вы, скорее всего, знаете моё прозвище. Все знают. Благодаря поганым сказочникам, будь они неладны!

А? Что за прозвище? И не просите, вслух я эту гадость не произнесу! Терпеть его не могу! Просто поверьте на слово, мачеха моя умела найти словечко пообиднее, к этому у неё был прямо-таки талант, да и сводные сёстры ей не уступали. Сколько унижений и оскорблений выпало на мою долю от этой троицы, даже подсчитывать не возьмусь! А ведь сначала, когда батюшка мой покойный ещё здравствовал, были все трое кроткими, что твои овечки. Только недолго это длилось, вскоре он занемог и, не успела народиться новая луна, тихо скончался. Меня к нему с первого дня болезни велено было не пускать, дескать, я заставляю его волноваться, так что даже попрощаться нам не довелось.

Руку готова дать на отсечение, что той внезапной немощи мачеха была причиной! Она его и залечила до смерти! Потому-то меня и спровадила, знала, что от покойной матушки, весьма в разных магических искусствах сведущей, я многому научилась, а уж распознавать травы да всякие яды к своим двенадцати годам получше иной ведуньи умела. Хоть я, конечно, большую часть своих умений благообразно держала

при себе да не выпячивала, этого мне скрыть не удалось. Отец сам же похвастал перед новой женой талантами дочери, как оказалось, себе на погибель... Мачеха верно сообразила, что, допусти она меня к отцу, я мигом природу его хвори определю, а то и лекарство изготовить сумею, так что, когда мой дорогой родитель обессилел настолько, что не смог однажды утром выйти из своих покоев, меня по её наказу заперли в старом пустом хлеву, откуда и не выпускали до самых похорон, покуда не покинули двор после поминального пира последние певцы.

Так и осталась я круглою сиротой при жестокой мачехе, в родном доме из хозяйки сделавшись служанкой.

Пока я сидела взаперти да горевала по батюшке, у меня меж тем было достаточно времени, чтобы поразмыслить о дальнейшей своей судьбе и, само собой, о будущей мести. Однако первым делом стоило позаботиться о том, чтобы самой нынче остаться в живых. Нет, сразу же вслед за отцом меня не отправят, рассудила я, побоятся вызвать лишние вопросы и пересуды; и все же я понимала — времени у меня совсем немного. Мачеха явно всеми силами стремилась прибрать к рукам отцово имение в обход моего законного права наследницы*, значит, следо-

---

* В кельтском обществе и в частности в Ирландии право наследования в полной мере распространялось на дочерей, особенно в случаях, если умершие родители не имели сыновей. Эти законы действовали в некоторых областях довольно долго, в том числе в период раннего Средневековья.

вало её уверить, что я ей в этом не помеха. Но как? Думала я, думала и придумала...

Надо сказать, ещё при жизни моего дорогого батюшки, незадолго до того, как он впервые захворал, мачеха сделала меня своею прислужницей. Как это нынче называют, камеристкой. Утверждала она, что такое занятие пойдёт мне лишь на пользу, мол, батюшка меня разбаловал, даже на воспитание, как это полагается обычаем, не отдал, оставив при себе, а это никуда не годится, вот, дескать, она и преподаст мне уроки смирения. А заодно и наука мне будет на будущее: с её, мол, воспитанием да кошелём отцовского золота я, едва подвернётся подходящий момент, без труда попаду в замок, возможно, даже в свиту королевы, а уж там-то с моей смазливой мордашкой непременно встречу богатого и влиятельного мужа, а может стать, чем судьба не шутит, заинтересую самого королевского сына! Этот сладкий яд о моём счастливом будущем она безостановочно вливала в уши отца, пока он не поверил ей безоговорочно.

Отец мой был добрым человеком, но мудрость свою я унаследовала от матушки. Должна признать, убедить его вряд ли было сложно, слишком уж сильно он гордился своей маленькой дочуркой, слишком рьяно желал для меня всего самого лучшего. Род наш был хоть и не сказочно богат, но достаточно древен и некогда славен, чтобы многие новоиспечённые придворные, получившие милость короля за одну лишь

голую доблесть, действительно захотели бы укрепить свои позиции браком с наследницей такой знатной фамилии. Да и головокружительная фантазия о королевском сыне не казалась отцу в этом свете совсем уж безумной. Так, с его согласия, я попала к мачехе в услужение.

Ох и гоняла же она меня!

День-деньской я с ног сбивалась, хлопоча о её удобствах да нарядах, а ночи напролёт оплакивала свою тяжкую судьбу и отцовское легковерие. Однако же стоило батюшке уехать по делам, как к основной моей работе прибавлялись ещё и обязанности прачки, после и кухарки, а вскоре и поломойки. Мачеха моя не уставала измышлять мне всё новые и новые задания, одно другого трудней и унижительней. Сестрицы, с молчаливого её поощрения, тоже не отставали. Стоило кому-нибудь из этой троицы заметить, что я, закончив очередную работу, присела на миг перевести дух, как тут же на мою голову обрушивался град проклятий и обвинений, мол, я неблагодарная лентяйка, строптивица и сущее наказание на их несчастные головы. Между тем мне уж и на слёзы времени не оставалось, так они меня загоняли.

Возмущалась ли я? Ещё как! Пробовала ли жаловаться? Конечно! Но эта гадюка всегда умудрялась вывернуться так, словно я одна во всём виновата. В ответ на отцовские упрёки мачеха напускала на себя обиженный вид, роняла слезу и принималась

причитать, как сложно ей, слабой женщине, не только вести хозяйство в отсутствие мужа, вечно пребывающего в разъездах, но и справляться с тремя детьми, особенно с непокорной падчерицей, которая всё время только и знает, что дерзит да проказничает, пользуясь её, мачехиной, добротой сверх меры. Мол, за мои проказы другая на её месте велела бы высечь несносную девчонку, в то время как она жалует бедную сиротку всем сердцем, а потому безропотно сносит обиды, делая единственным моим наказанием праведный труд. Дескать, заботится она исключительно о моём же благе.

Отец мой был человеком мягким по натуре и не переносил женских слёз. Так что он каждый раз мгновенно сдавался пред этим оружием. Принимался мямлить, что не стоит ей всерьёз держать обиды за проступки ребёнка, что дочь его-де слишком тяжело переживает кончину любимой матери, задабривал жену подарками, сетовал на то, что из-за множества дел почти не видит её и совсем запустил моё воспитание. Мачеха, разумеется, в итоге великодушно прощала и его, и меня, тем скорее и чистосердечнее, чем крупнее были камни в подаренных отцом украшениях.

Эту же личину заботливой опекунши она всякий раз надевала и перед всеми знакомыми. Стоило нам отправиться куда-нибудь с визитом или гостям появиться в нашей усадьбе, как мачеха из кожи вон лезла, всячески намекая всем своим видом, как стой-

ко она выдерживает выпавшие ей тяготы, стараясь день и ночь ради своего дорогого мужа и детей и особенно ради «бедной сиротки», то есть меня. Актриса она была что надо, скажу я вам! Ни разу никто не усомнился в её представлениях.

Всё это я и так и эдак крутила в голове во время своего заточения в хлеву и в конце концов порешила, что самым безопасным для меня вариантом будет взять на время пример с ненавистной мачехи и прикинуться тем, кем я не являюсь. Выждать. Убедить всех, что я не только не представляю никакой опасности, но даже интереса не стою. Выбрать момент, когда мачеха окончательно утратит бдительность, и вот тогда нанести точный удар.

Справедливость — вот чем и ради чего я отныне собиралась жить! Но дабы она свершилась, нужно было запастись терпением...

Выйдя из хлева наутро после похорон отца, я изменилась, и скоро это заметили не только мачеха с сёстрами, но и все остальные. Ни разу с того самого дня не умыла я лица, не расчесала волос, не сменила платья. Я стала отказываться от обычной еды, даже от тех блюд, что ранее любила, перестала пользоваться миской, вместо этого бросала в горячие угли мясо и коренья и ела их после прямо из очага, из-за чего руки мои и лицо вечно были перепачканы сажей и золой, так что скоро и черты стало не разобрать. Воду пила, как зверь, из ручья, отвергая любые кубки и меха, куда, как вы понимаете, не

составило бы труда подмешать отравы. Людей я сторонилась, почти ни с кем не говорила, опасаясь невзначай себя выдать, да и они чем дальше, тем реже пытались до меня достучаться, решив, что я, бедняжка, должно быть, повредилась от горя умом. Постепенно даже самые преданные из отцовской дворни отстранились и оставили меня, хоть, я знала, и продолжали жалеть про себя. Не раз и не два ловила я их тихие перешёптывания и сочувственные вздохи, но так и не решилась никому довериться, раскрыть свои планы, призвать на помощь. Единственными моими товарищами были мыши, дикие голуби да дворовая скотина, им я пела, с ними тихонько беседовала обо всём на свете, словно они могли понять меня и ответить.

Надо сказать, не только от мачехи защищал меня новый мой облик, но и от удалцов, охочих до девичьей красоты. Находились, правда, и такие, кого не отпугивали ни вонь, ни лохмотья, но для них у меня припасён был за поясом батюшкин охотничий нож, одного вида которого хватало обычно, чтобы остудить горячую голову да выветрить из неё хмель.

Конечно, я больше не прислуживала мачехе в качестве камеристки, в нынешнем виде она и близко не подпускала меня к своим покоям. Вместо этого мне поручали самую грязную работу: скрести полы и лестницы, чистить от копоти и жира котлы, разжигать очаг и выметать из него золу и всё в таком духе. Тогда и прилипло ко мне то самое издеватель-

